

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖЕЙН ГУДОЛЛ

В тени человека

*Главная книга об обезьянах,
перевернувшая представления... о людях*

Новый натуралист

Джейн Гудолл

В тени человека

«Азбука-Аттикус»

1971, 1988, 2010

УДК 599.8+59.009+502
ББК 28.6

Гудолл Д.

В тени человека / Д. Гудолл — «Азбука-Аттикус», 1971, 1988, 2010 — (Новый натуралист)

ISBN 978-5-389-18256-1

Более 55 лет посвятила британская исследовательница Джейн Гудолл наблюдениям за жизнью и поведением шимпанзе в их естественной среде обитания – в джунглях тропической Африки. Какова структура отношений и иерархия внутри группы человекообразных обезьян? Как они обмениваются информацией? Что едят наши ближайшие сородичи, действительно ли они предпочитают вегетарианскую диету мясной? Используют ли они инструменты и правда ли, что изготовление орудий труда – главный отличительный признак человека как вида? Как ведут себя самки шимпанзе со своими детенышами и есть ли у обезьян подростковый возраст? Обо всем этом рассказывает Джейн Гудолл – антрополог, этолог, приматолог, доктор антропологии Кембриджского университета, дама-командор ордена Британской империи, Посол мира ООН. «В тени человека» впервые была издана полвека назад и за это время не только не утратила актуальности, но и стала классикой научно-популярной литературы, переведена на 48 языков мира и выдержала огромное множество переизданий. Книга ценна как для специалистов – экологов, этологов, зоологов, антропологов, психологов, – так и для всех тех, кто любит природу или хочет больше узнать не только о братьях наших меньших, но и о нас, представителях вида *Homo sapiens*.

УДК 599.8+59.009+502
ББК 28.6

ISBN 978-5-389-18256-1

© Гудолл Д., 1971, 1988, 2010

© Азбука-Аттикус, 1971, 1988, 2010

Содержание

Предисловие переводчика	8
От автора	11
В тени человека	16
1	16
2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джейн Гудолл

В тени человека

Jane Goodall

In the Shadow of Man

© Jane Goodall and Hugo van Lawick, 1971

© Jane Goodall, revisions copyright, 1988, 2010

© Jane Goodall, preface, 2010

© Година Е.З., перевод на русский язык, предисловие, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

КоЛибри®

Ван, Лусу, Хьюго – в память о Дэвиде Седобородом

Джейн Гудолл – истинный посол мира, выдающийся общественный деятель, неустанно пропагандирующий необходимость охраны живой природы и сохранения мира, в котором мы живем.

Но все это нам известно сейчас – спустя много лет после того, как Джейн Гудолл впервые занялась наблюдением за поведением шимпанзе в естественной среде обитания. А пока читателям вслед за юной исследовательницей, вооруженной лишь биноклем и огромной любовью ко всему живому, в первую очередь к объекту своих исследований – шимпанзе, предстоит отправиться в мир африканских джунглей.

И поверьте – это будет увлекательное путешествие!

Елена Година, профессор, доктор биологических наук

Работа Джейн Гудолл с шимпанзе являет собой одно из величайших научных достижений западного мира.

Стивен Джей Гулд, палеонтолог, биолог-эволюционист и историк науки

Оглядываясь назад, я должна сказать, что никогда не смогла бы предположить, какое влияние эта книга окажет на сотни, нет – тысячи людей, живущих по всему земному шару.

Джейн Гудолл

Предисловие переводчика

Дорогие читатели! Вы держите в руках книгу, первое издание которой вышло в свет около полувека назад. Это большой срок для научно-популярной литературы, так как за это время происходят новые научные открытия, которые в немалой степени меняют наши представления прошлых лет.

Тем не менее книга «В тени человека» блестяще выдержала испытание временем. Она не только не потеряла своей актуальности, но стала за последние годы еще более популярной. За это время ее автор – тогда мало кому известная молодая женщина, не имевшая, как она сама об этом пишет, профессионального образования, – получила докторскую степень по этологии в престижном Кембриджском университете Великобритании, награждена почетным титулом дама-командор ордена Британской империи, основала институт, носящий ее имя, и стала его директором, назначена послом мира ООН. Можно еще долго перечислять титулы, награды и заслуги автора этой книги, но важно другое – за это время она стала иконой для подражания для множества людей на планете, символом несгибаемой воли и мужества в осуществлении своей главной цели: сохранения не только наших ближайших родственников – человекообразных обезьян, но и всего живого на планете и мест их естественного обитания. Отметим, что сокращение биоразнообразия на планете Земля наряду с изменением климата – одна из первоочередных задач, стоящих не только перед научным сообществом, но и перед всем человечеством. Так, по последним данным, человечество, составляющее не более 0,01 % от всего живого на Земле, уже уничтожило 83 % всех диких млекопитающих. Таков ужасающий эффект воздействия человека на живую природу¹.

Но вернемся на 50 лет назад, в далекие 60-е годы прошлого столетия. Именно тогда выдающийся палеоантрополог, директор Кенийского национального музея Луис Лики (1903–1972), прославивший свое имя многочисленными находками ископаемых предков человека, принял еще один грандиозный проект, поручив трем молодым женщинам наблюдать за поведением крупных человекообразных обезьян в природе. Со свойственной ему интуицией, Лики прекрасно понимал, какое значение для антропологии и эволюции человека будут иметь знания о поведении наших ближайших родственников в природе. Понимал он также и то, что дни (месяцы, годы), отпущенные гориллам, орангутанам и шимпанзе, сочтены: хозяйственная деятельность человека безжалостно вторгается в места их обитания, уничтожая их и ставя крупных человекообразных обезьян на грань исчезновения.

Так, уже в наши дни биологи из пяти стран оценили популяции вымирающих человекообразных обезьян, которые обитают в Западной Африке, – черномордого шимпанзе и западной равнинной гориллы², и пришли к выводу, что численность горилл сокращается на 2,7 % ежегодно – и если эта тенденция сохранится, через три поколения популяция уменьшится на 80 %. Шимпанзе тоже относят к вымирающим видам. Причем, говоря о хозяйственной деятельности человека, нужно упомянуть не только вырубку лесов местным населением с целью увеличения площади сельскохозяйственных угодий, но и развернувшиеся в последние годы в Западной Африке нефтяные разработки, катастрофически сокращающие и без того уже минимальные размеры ареалов местных человекообразных обезьян. Правительство Демократической Республики Конго объявило о сокращении площадей национальных парков Вирунга и Салонга (внесенных в список мирового наследия ЮНЕСКО) в связи с нефтяными разработками. В этих

---

¹ Damian Carrington. Humans just 0,01 % of all life but have destroyed 83 % of wild mammals – study // The Guardian. 22.05.2018.

² Samantha Strindberg et al. Guns, germs, and trees determine density and distribution of gorillas and chimpanzees in Western Equatorial Africa // Science Advances. 25.04.2018: Vol. 4, № 4.

охранных зонах обитают горные гориллы, шимпанзе, африканские лесные слоны и другие редкие виды животных³. К слову сказать, опасность исчезновения угрожает даже лемурам, численность и разнообразие видов которых выше, чем у других приматов⁴.

Итак, в рамках мудрого проекта Луиса Лики три молодые женщины, ныне прославленные исследовательницы, отправились изучать поведение крупных человекообразных обезьян в природе: Джейн Гудолл занялась наблюдением за жизнью шимпанзе; Дайан Фосси – горилл; Бируте Галдикас – орангутанов. Мы многое или почти все знаем о деятельности и жизни Джейн Гудолл, кое-что – о Дайан Фосси: ее книга «Гориллы в тумане» была переведена на русский язык в 1990 году. В США в 1988 году вышел фильм с одноименным названием, описывающий ее подвижническую жизнь в тропических лесах горного массива Вирунга. Но она его не увидела – в 1985 году Фосси была зверски убита браконьерами за то, что мешала им заниматься преступной деятельностью и грудью встала на защиту братьев наших меньших – исчезающей популяции горных горилл.

Что касается Бируте Галдикас, то ее имя нашим читателям – и даже специалистам-антропологам – почти незнакомо. Правда, иногда на телеканалах показывают фильмы об ее исследованиях в Индонезии, но книга Галдикас «Воспоминания о рае. Моя жизнь среди орангутанов Борнео» (*Reflections of Eden. My Years with the Orangutans of Borneo*) на русский язык так и не была переведена. Возможно, дело в том, что книгу свою она опубликовала только в середине 1990-х, когда издание научных и научно-популярных книг в России, в отличие от псевдо- и околonaучных, стало весьма проблематичным. Кстати, здесь можно сказать пару слов в защиту наших переводных изданий советских лет, которые хотя и издавались на плохой бумаге и с иллюстрациями плохого качества (как об этом справедливо пишет Джейн Гудолл в своем предисловии ко второму изданию), но выходили большими тиражами и играли огромную просветительскую роль, информируя не только ученых, но и широкий круг читателей о новейших достижениях зарубежной науки.

Книга «В тени человека», впервые вышедшая в моем переводе в 1974 году, стала настоящей сенсацией. Конечно, до этого были изданы труды И. П. Павлова, Н. Н. Ладыгиной-Котс, В. Келера, Р. Йеркса, Л. А. Фирсова и многих других выдающихся ученых – физиологов, зоологов, приматологов и антропологов, но все это были наблюдения за шимпанзе, живущими в клетках, в неволе, в неестественной среде обитания. То, что увидела и описала Гудолл, поражало воображение. Оказывается, шимпанзе изготавливают примитивные орудия, охотятся, делят добычу, имеют сложную социальную организацию, не менее сложные способы коммуникации, для них характерны длительные отношения между матерью и детенышами и т.д.

Все это Джейн смогла увидеть и понять уже в первые годы жизни среди шимпанзе. В дальнейшем благодаря созданному Гудолл Исследовательскому центру Гомбе в Танзании наблюдения за жизнью шимпанзе дополнялись и углублялись. Спустя пару десятилетий вышло в свет обширное академическое издание: «Шимпанзе в природе: поведение» (*The Chimpanzees of Gombe. Patterns of Behavior*, 1986), переведенное на русский язык в 1992 году. В нем автор более углубленно и подробно рассматривает уже описанные ранее паттерны поведения и анализирует новые, в особенности касающиеся группового поведения обезьян. Кроме того, в этой новой книге Джейн Гудолл прослеживала установившиеся в течение двух с лишним десятилетий семейные связи. В этом была уникальность новой книги. Читатель узнавал, что стало с прежними героями, как изменилась их жизнь, как вели себя их потомки, от чего зависело поведение молодых членов сообщества и т.д. Можно без преувеличения сказать, что подобной «саги» о жизни шимпанзе на протяжении нескольких десятилетий ни специалистам, ни широкой публике ранее читать не приходилось.

³ Congo says it will open two national parks up to oil drilling // Reuters. 29.06.2018.

⁴ Victoria Gill. Lemur extinction: Vast majority of species under threat // BBC News. 02.08.2018.

В этом, помимо прочего, уникальность исследований Джейн Гудолл. Она не только ввела нас в мир диких шимпанзе и познакомила с его обитателями, так что все они стали нашими хорошими знакомцами, но и проследила за их судьбой, а также судьбой их потомков, показав, как сложилась их взрослая жизнь, что помогло (или не помогло) им добиться высокого ранга в социальной иерархии сообщества, какие навыки они унаследовали от своих матерей и т.д.

Вводя читателя в увлекательный мир шимпанзе Гомбе, необходимо сказать, что, хотя шимпанзе и являются нашими ближайшими родственниками, между нашими двумя видами существует огромная пропасть. Да, мы обладаем значительными чертами сходства, в том числе и на генетическом уровне. Здесь уместно вспомнить прекрасную книгу антрополога Джона-тана Маркса «Что значит быть на 98 % шимпанзе» (What It Means to Be 98 % Chimpanzee: Apes, People and their Genes, 2002). «Сакральная» цифра 98 % – это тот процент генетического материала, который объединяет нас с шимпанзе. Но означает ли это нашу идентичность? Разумеется, нет. Эта цифра, как и многие другие примеры из молекулярной биологии и антропологии (например, наша ДНК более чем на 25 % сходна с ДНК одуванчика⁵), означает лишь то, что мы – интегральная и неотъемлемая часть живой природы, еще один биологический вид, который в результате эволюционной истории стал доминирующим на планете. В этом смысле книга «В тени человека» – мощное оружие против креационизма, утверждающего, что «природа» человека лежит вне мира природы, а человек в силу своей исключительности не связан с другими живыми существами.

С другой стороны, как справедливо указывал в предисловии к первому русскому изданию известный отечественный антрополог и приматолог М. Ф. Нестурх (1895–1979), «в своем описании поведения шимпанзе и мотивов их поступков автор не избежала антропоморфизма». Однако причина этого, по мнению М. Ф. Нестурха, «...отчасти объяснима – Джейн Гудолл относится к объектам своего исследования с необычайной любовью и сочувствием»⁶.

В этом основной пафос трудов Джейн Гудолл. Помимо продолжающихся под ее руководством научных исследований, она, как уже говорилось, является создателем Исследовательского центра Гомбе в Танзании, основателем и директором Института Джейн Гудолл, основателем многих центров по реабилитации спасенных из неволи шимпанзе. Но главное в ее жизни – сохранение окружающей природы, диких животных, а значит, и самого человечества.

Джейн Гудолл – истинный посол мира, выдающийся общественный деятель, неустанно пропагандирующий необходимость охраны живой природы и сохранения мира, в котором мы живем.

Но все это нам известно сейчас – спустя много лет после того, как Джейн Гудолл впервые занялась наблюдением за поведением шимпанзе в естественной среде обитания. А пока читателям, вслед за юной исследовательницей, вооруженной лишь биноклем и огромной любовью ко всему живому, в первую очередь к объекту своих исследований – шимпанзе, предстоит отправиться в мир африканских джунглей.

И поверьте – это будет увлекательное путешествие!

*Елена Година,
профессор, доктор биологических наук*

---

⁵ Jonathan Marks. What It Means to Be 98 % Chimpanzee: Apes, People and their Genes, 2002. P. 5.

⁶ Джейн Гудолл. В тени человека. М.: Мир, 1974. Предисловие к русскому изданию. С. 6.

От автора

Я пишу это предисловие к новому изданию книги «В тени человека» в Борнмуте, в викторианском здании из красного кирпича, которое известно под названием «Берчиз». В этом доме я выросла. Я смотрю из окна на деревья, по которым лазила в детстве, мечтая о том дне, когда смогу отправиться в Африку, чтобы жить среди животных и писать о них книги. На полках моего книжного шкафа выстроились книги, которые зародили во мне эту мечту (вместе с множеством других, прочитанных уже во взрослые годы): романы о Докторе Дулиттле, серия книг про Тарзана, а еще сказки Беатрикс Поттер, «Ветер в ивах» и много томов, рассказывающих о приключениях первооткрывателей Черного континента.

Действительно, всякий раз, когда я бываю здесь, в короткие промежутки между своими бесконечными путешествиями, во время которых я пытаюсь пробудить в людях осознание печальной судьбы, уготованной шимпанзе, другим животным и местам их обитания на нашей планете, я живо вспоминаю свое детство. Те дни, когда моим самым близким другом был Расти, умнейший черный дворовый пес, который вместе с моей матерью Ван (сокращенное от валлийского имени Муванви) и другими членами моей семьи сыграл важную роль в том, кем и какой мне предстояло стать.

Книга «В тени человека» – моя история о том, как я наконец попала в Африку, встретила с ныне покойным Луисом Лики и получила невероятный для натуралиста (а ведь я в то время даже не окончила колледж!) шанс жить не просто среди животных, а среди шимпанзе – ближайших ныне живущих родственников человека.

В этой книге я рассказываю о ярких личностях и удивительном поведении шимпанзе Гомбе: как они использовали и делали орудия, охотились и делили добычу, проявляли эмоции, на удивление сходные с нашими. Многие позы и жесты из арсенала их невербальной коммуникации были не только похожи на наши, но и проявлялись в аналогичных ситуациях и означали нечто подобное. Помимо поцелуев и объятий, они держали друг друга за руки, шекотали или угрожающе раскачивались, трясли кулаком, кидались камнями и размахивали палками. Я пишу также о том, как постепенно менялись мои отношения с некоторыми шимпанзе, как страх (с их стороны) перерастал во взаимное доверие и как мое исходное интуитивное понимание основ их поведения подкреплялось годами тщательных наблюдений и анализа данных.

Я начала свое исследование в 1960 году. Спустя 10 лет я приступила к работе над книгой «В тени человека». К этому времени я уже была автором одной книги и парочки статей для Национального географического общества – организации, которая поддерживала мою работу почти с самого начала. Для того чтобы сделать фотографии и фильм о шимпанзе, общество отправило в Африку Хьюго ван Лавика, который впоследствии стал моим мужем. К этому времени я получила докторскую степень по этологии в Кембриджском университете (Англия). Благодаря сделанным Хьюго фотографиям шимпанзе Гомбе стали хорошо знакомы многим американцам, а снятые кинокадры легли в основу документального фильма «Мисс Гудолл и дикие шимпанзе» с комментариями Орсона Уэллса.

Кроме того, мы с Хьюго написали книгу о наших наблюдениях за поведением шакалов, африканских охотничьих собак и гиен – обитателей равнин Серенгети в Танзании. Студенты и наши другие помощники по полевым исследованиям продолжали вести наблюдения в Гомбе, и мы ежедневно переговаривались с ними по радиотелефону. В то время мы уже переехали из Гомбе в Серенгети. У нас родился ребенок, а шимпанзе, как известно, любят охотиться на маленьких детей, и мы не могли подвергать опасности нашего драгоценного единственного сына Хьюго Эрика Луиса, которого и тогда и теперь просто называют Граб.

Так уж случилось, что большая часть книги «В тени человека» была написана в Серенгети – в трейлере «фольксваген», который я получила в подарок от Национального географического

ческого общества в качестве «офиса на время путешествий». У меня не было компьютера или хотя бы электрической пишущей машинки. Я печатала на старой развалюхе и пользовалась корректирующей жидкостью для удаления многочисленных опечаток.

Драгоценные страницы рукописи мы отправляли по почте нашему издателю и другу, ныне покойному Билли Коллинзу (который со временем стал сэром Уильямом) и моему замечательному редактору Филипу Зиглеру.

Но завершение и шлифовка рукописи проходили здесь, в «Берчиз». Когда-то я читала вслух родным свои детские заметки и стихи. Теперь они слушали главы о наших общих с Ван приключениях, о поваре Доминике и его неистребимой тяге к алкоголю, о Дэвиде Седобородом и Голиафе, о старой Фло, Олли и их потомках. И книга много выиграла благодаря мудрым замечаниям Ван.

Оглядываясь назад, я должна сказать, что никогда не смогла бы предположить, какое влияние эта книга окажет на сотни, нет – тысячи людей, живущих по всему земному шару. Первый намек на ее будущую известность я почувствовала вскоре после ее публикации в 1971 году. Я ехала в лондонском метро и случайно подслушала разговор двух бизнесменов, безупречно одетых в полосатые брюки и котелки, со сложенными черными зонтами. «Интересно, чем это Фло так привлекала самцов?» – спросил один. И они на какое-то время погрузились в рассуждения о загадках сексапильности. Потом они стали обсуждать отдельных персонажей и сравнивать их с друзьями и знакомыми. Понадобилось несколько минут, пока до меня дошло, что они разговаривают о «моих» шимпанзе! Один из собеседников держал в руках выпуск *The Sunday Times*, где книгу печатали по частям, как роман с продолжением.

С тех пор множество людей, особенно в Африке, Азии и Латинской Америке, говорили мне, что, прочитав «В тени человека», они стали по-другому думать о животных. Не только о шимпанзе, а обо всех животных. Всякий раз, когда после лекций, которые я читаю по всему свету, я начинаю подписывать книги, кто-то подходит со старым, зачитанным экземпляром «В тени человека», подчас перешедшим по наследству от матери или отца. Некоторые рассказывают, что книгу им читали вслух, когда они были детьми. Иногда книга, принесенная для подписи, была много лет назад подарена на день рождения или Рождество. Случается и такое, что меня просят снова подписать книгу, на которой уже стоит мой автограф десяти-, двадцати-, а то и тридцатилетней давности.

Продолжается продажа новых тиражей. «Я прочла эту книгу в детстве, – рассказывает женщина средних лет, – и она оказалась для меня настолько важной, что теперь я купила ее для своей дочери» (сына или внуков). И так, после каждой лекции, мы продаем немало экземпляров книги «В тени человека».

Книга была переведена почти на 50 языков. Райнер Хагенкорд прочитал ее немецкое издание, когда учился в семинарии ордена иезуитов. Он рассказал мне, что это событие глубоко повлияло на его образ мыслей: «Мы не венец творения, как это подчас утверждается теологией; напротив, мы можем отыскать свои корни в мире животных. Эта мысль внушает мне смирение и придает силы для более ответственного выполнения миссии по защите всех Божьих творений». Впоследствии с разрешения епископа он взял творческий отпуск для изучения документов, написанных в древние годы, наиболее близкие к временам Христа. Он узнал, что в те дни взгляды святого Франциска, который, как и американские индейцы, видел в животных наших «братьев» и «сестер», были широко распространены. (Вершиной этого исследования стало издание книги «По эту сторону рая».)

Меня всегда особенно трогает, если на лекции приносят первые издания из стран Восточной Европы и просят меня их подписать. Бен Ногради прочел «В тени человека» на венгерском. «Каждый из нас может назвать ту прочитанную в детстве книгу, которая произвела наиболее сильное впечатление, – пишет он. – Для меня таковой стала „В тени человека“ Джейн Гудолл. Это подарок отца на мой десятый день рождения. Читая книгу, я влюбился в Африку, и

сразу же решил, хочу туда поехать и остаться жить. Для ребенка, выросшего в Венгрии в крайней бедности, в условиях коммунистического режима, неумолимо подавлявшего все желания и мечты, такая мысль казалась абсолютно нереальной. Однако из книги Гудолл я узнал еще кое-что, помогавшее мне в дальнейшем: „никогда не сдаваться!“». Когда Бен наконец переехал в Южную Африку, он взял с собой две книги: «Библию и „В тени человека“». Если мне нужно что-то решить, я открываю эти книги и всегда нахожу тот ответ, который ищу».

Первый китайский перевод «В тени человека» имеет любопытную историю. Дэвид Орт послал мне экземпляр, который приобрел в Гонконге, где находился на дипломатической службе. Он подумал, что мне будет любопытно взглянуть на него. Это оказалась небольшая книжка в бумажном переплете, напечатанная на самой дешевой бумаге. Фотографии разглядеть почти невозможно. Он сказал, что ее перевели с русского издания. Фотографии были скопированы – нелегально – с иллюстраций в русской книге, которые в свою очередь были пересняты с английского издания. И все же эта небольшая книжка с почти неразличимыми фотографиями оказала влияние на несколько человеческих судеб.

По крайней мере один из тех, кто подходит ко мне за автографом после каждой лекции, рассказывает, что книга «В тени человека» была толчком, определившим всю дальнейшую судьбу, так или иначе связанную с животными, – будь то карьера биолога, проводящего полевые исследования, ветеринара или другого специалиста из смежных с изучением животных областей. Обычно в одной очереди оказываются несколько человек, желающих поблагодарить меня за то, что я тем или иным путем оказала влияние на их жизненный выбор. И некоторые из этих путей кажутся мне наполненными особым смыслом.

Я встретила Фанг Мингхе около 10 лет назад в Шанхае, и он рассказал, как моя книга изменила его жизнь. «Она оказала на меня огромное влияние», – написал он мне позже. Он нашел книгу в школьной библиотеке и «понял, что такая профессия (о которой я и помыслить не мог) была и моей мечтой». После окончания обучения он организовал первую некоммерческую организацию, зарегистрированную в провинции Чжэцзян. Эта организация занимается главным образом защитой диких животных, которым угрожает опасность исчезновения, и заботится о брошенных домашних питомцах.

Книга «В тени человека», по моему мнению, имеет особое значение для женщин. Сотни, а может быть, и тысячи из них она вдохновила на такие поступки, о которых они прежде и не мечтали. «Вы научили меня, – говорят или пишут они, – что раз это сделали вы, то смогу и я!» Когда я была ребенком, Ван давала мне мудрые советы: «Если ты будешь упорно работать, не упускать возможности и никогда не отступать, ты найдешь дорогу к успеху». Теперь этим советам следовало несчетное число молодых женщин, получивших поддержку в стремлении следовать за своей мечтой. Как я об этом узнала? Да они мне сами все рассказали.

Около 20 лет назад я приехала в Вашингтон по делам Национального географического общества. Там в служебном коридоре я увидела молодую китайку, идущую мне навстречу. Вдруг она остановилась в изумлении, из широко распахнутых глаз брызнули слезы, приблизившись, обняла меня. Я была несколько удивлена, но она сказала, что хотела поблагодарить меня. Ребенком она мечтала изучать гигантских панд. Над ней все смеялись: «Да она никогда не сможет, ведь она девчонка». «И вот в средней школе я прочла вашу книгу», – сказала она. И тогда поняла, что невозможное все-таки возможно. В тот день она приехала в Национальное географическое общество, чтобы закончить статью о гигантских пандах для журнала National Geographic, а сделанная ею фотография новорожденного младенца гигантской панды будет помещена на обложку этого номера журнала. Теперь она директор Международного общества охраны природы в Китае!

Среди вещей, которым я научилась у шимпанзе, было понимание, насколько важен ранний опыт в развитии наших собственных детей. Сравнение материнского поведения Фло и Пэшн показало, что в сообществе шимпанзе, так же как и в человеческом обществе, есть хоро-

шие и плохие матери и что детенышам хороших матерей обеспечен более успешный старт в жизни. Теперь, спустя 50 лет, еще более очевидно, что качество материнской заботы действительно играет важную роль в формировании поведения потомков, когда они становятся взрослыми особями.

Этот вывод все более убедительно подтверждают психологи и психиатры, занимающиеся детским развитием. «Книга „В тени человека“, – рассказывает молодая женщина из Калифорнии, – придала мне решимости остаться дома с моими детьми». Эти слова я слышала и от множества других женщин.

Но как эту книгу восприняли ученые? Когда в 1961 году меня приняли в Кембриджский университет, мне сказали, что говорить о шимпанзе как о личностях неуместно, так же как о том, что у них есть разум и они могут думать, или сравнивать их эмоции с тем, что мы имеем счастьем, печалью, гневом, отчаянием и т.д. Все это было прерогативой только одного животного – человека. Иначе говоря, существовала жесткая граница, отделяющая «нас» от «них». К тому времени, когда «В тени человека» была опубликована, по крайней мере некоторые ученые стали думать по-другому. Появились другие полевые исследования животных со сложным поведением – шимпанзе в разных частях Африки, горилл, павианов, слонов и т.д. И под влиянием столь тщательно накопленных наблюдений наука была вынуждена пересмотреть свое отношение к иным, чем человек, представителям животного мира. Становилось все более очевидно, что мы часть остального животного царства и абсолютно неотделимы от него. Конечно, мы обладаем высокоразвитым интеллектом, который, вероятно, стимулируется нашими языковыми способностями – мы можем говорить о вещах, которые в данный момент отсутствуют, строить планы на отдаленное будущее, создавать устные истории, обсуждать друг с другом идеи. Но все эти различия носят скорее количественный, чем качественный характер.

Ученый, пользовавшийся огромным уважением, покойный Стивен Джей Гулд четко обозначил свою позицию в предисловии к одному из ранних изданий книги «В тени человека». Он писал: «Мы представляем себе науку в виде неких манипуляций, экспериментов и подсчетов, выполняемых людьми в белых халатах, которые нажимают на кнопки приборов и смотрят на экраны дисплеев в лабораториях. Когда мы читаем о женщине, которая дает смешные имена шимпанзе и следует за ними в джунгли, тщательно фиксируя каждый их звук или движение, мы неохотно признаем за ней право на принадлежность к „высшей лиге“... [Мы] размышляем, относится ли подобная деятельность к передовой науке или представляет последний вздох старого мира романтических исследований». Далее он объясняет, почему, по его мнению, «работа Джейн Гудолл с шимпанзе являет собой одно из величайших научных достижений западного мира». Действительно настоящий дифирамб!

Для того чтобы написать это предисловие, я недавно перечитала «В тени человека». Много изменилось с тех пор. Леса, некогда тянувшиеся вдоль берегов озера Танганьика и вглубь на восток континента, почти исчезли, превратив шимпанзе Гомбе в заложников крошечной (35 квадратных километров) территории национального парка. За пределами парка земли очищены от деревьев, почва утратила свою плодovitость и подверглась сильнейшей эрозии. Из-за роста численности населения, наблюдаемого во всем мире начиная с 1960-х годов, а также из-за притока беженцев с территории Бурунди и Восточного Конго в районы, окружающие Гомбе. Теперь там живет больше людей, чем способна прокормить земля, что вынуждает ее обитателей бороться за свое существование. Туристы, регулярно посещающие Гомбе, отправляются в лес в сопровождении гидов – служащих парка. Сейчас разработаны новые правила, согласно которым люди обязаны держаться на определенном расстоянии от шимпанзе, чтобы свести к минимуму риск передачи заразных заболеваний.

Но, глядя на полвека назад, в те волшебные времена, когда я изучала мир, до той поры недоступный белому человеку, я должна признать, что главные перемены касаются списка дей-

ствующих лиц. Ван, Хьюго, Доминик, Хассан – все ушли в мир иной. Из всех шимпанзе, о которых я писала в книге и которых так хорошо знала, остается в живых только один – первый выживший потомок Мелиссы, мой любимец Гремлин. Его братец Гоблин, которого я впервые увидела новорожденным младенцем, еще прикрепленным пупочным канатиком к плаценте, заболел и умер в 2004 году. Фифи, которая в те далекие дни была крошечным детенышем, почти преодолела полувековой рубеж и исчезла из виду в 2004 году вместе со своим последним отпрыском. Сколь многому они научили меня! Сколько прекрасных часов я провела в зарослях Гомбе, следуя за ними и их семьями.

Годы, описанные в этой книге, были, наверное, самыми счастливыми в моей жизни. Я погрузилась в лесное царство, о котором мечтала с детства. Но хотя время это безвозвратно ушло, яркие образы Фло и Дэвида Седобородого, Олли и Мистера Уорзла, Пэшин и Майка, Мелиссы и Мистера Макгрегора, так же как и всех остальных персонажей книги, продолжают жить.

Перечитывая «В тени человека», я вновь возвращаюсь в те далекие дни. Теперь стоит мне закрыть глаза, и я вижу, как старая Фло нападает на павиана, угрожающего одному из ее отпрысков, как она, в ярости вздыбив остатки шерсти, готова бесстрашно сразиться с существом, чьи зубы могут нанести смертельные раны даже леопарду! Я вижу Майка, собирающего пустые канистры и с их помощью демонстрирующего свое могущество перед группой самцов более высокого ранга; когда он с ужасным шумом ударяет перед собой железяками, его соперники в страхе разбегаются. И в продолжение моего путешествия в далекое прошлое я будто снова чувствую, как когда-то, мягкое прикосновение пальцев Дэвида Седобородого, которым он дает мне понять, что хотя и отказывается от предложенного мною плода, но знает о моих добрых намерениях.

*Джейн Гудолл
Октябрь 2009 г.*

В тени человека

1

Начало

И этот день мало чем отличается от предыдущих. С раннего утра я карабкаюсь по крутым склонам, с трудом продираясь сквозь густой кустарник. То и дело приходится останавливаться, прислушиваться к малейшему шороху и внимательнейшим образом осматривать окрестности. Уже пять часов, а мне до сих пор не встретился ни один шимпанзе. Через два часа наступят сумерки, и тогда заповедник Гомбе-Стрим погрузится во тьму. Еще засветло я добираюсь до Вершины – своего излюбленного наблюдательного пункта – и устраиваюсь здесь в надежде, что мне повезет хотя бы в конце дня и я увижу, как шимпанзе строят свои гнезда.

Мое внимание привлекла группа мартышек, которые резвятся на деревьях у подножия горы. И вдруг – крик шимпанзе. Быстро обшариваю биноклем густые кроны деревьев, но звук замирает, прежде чем мне удастся установить, откуда он исходит. Наконец после нескольких минут тщательных поисков я обнаруживаю четырех шимпанзе. Небольшая потасовка уже кончилась, и они поедают какие-то желтые плоды, напоминающие сливы.

Расстояние между мной и шимпанзе слишком велико, чтобы уловить все детали их поведения, и я решаюсь подойти поближе. Внимательно осмотрев местность, я вижу недалеко от обезьян группу вполне подходящих для этой цели деревьев: если пробраться незамеченной к тому большому фиговому дереву, обезьяны будут видны гораздо лучше. Для осуществления этого плана мне потребовалось минут 10. И когда я, соблюдая величайшую осторожность, добираюсь наконец до толстого сучковатого ствола, то обнаруживаю, что ветви дерева пусты – шимпанзе исчезли. Мной овладевает ставшее уже хорошо знакомым чувство отчаяния: снова – в который раз! – обезьяны заметили меня и бесшумно скрылись. Но вдруг сердце мое замерло...

На расстоянии каких-нибудь 20 метров на земле сидели два взрослых самца и пристально смотрели на меня. Затаив дыхание я ждала, что они в панике бросятся в гущу леса – так было всегда, когда я неожиданно сталкивалась с шимпанзе нос к носу. Однако на этот раз ничего похожего не произошло. Два крупных шимпанзе продолжали внимательно следить за мной. Очень медленно я опустилась на землю, и они через несколько секунд принялись спокойно обыскивать⁷ друг друга. Я отказываюсь верить собственным глазам. Но вдруг на другой стороне поляны я заметила еще две головы – сквозь густую траву на меня смотрели самка и детеныш. Они мгновенно скрылись, как только я повернулась в их сторону, но вскоре вновь появились, сначала одна, потом другой, на нижних ветках дерева, которое росло примерно в 40 метрах от меня. Они уселись там и настороженно, почти не шевелясь, разглядывали меня.

Более полугода я старалась преодолеть у шимпанзе присущий им инстинктивный страх перед человеком, который заставлял животных бесследно исчезать при моем появлении. Вначале они убегали, едва завидев меня на другой стороне лощины в полукилометре. Но дистанция постепенно сокращалась, и вот теперь два самца сидели так близко от меня, что я отлично слышала их дыхание. Это был, несомненно, один из самых волнующих моментов, который

---

⁷ Обыскивание, или выискивание в шерсти, – одно из любимых занятий как низших, так и человекообразных обезьян. Тщательно перебирая пальцами шерсть, животные удаляют шелушащиеся кусочки кожи, выпавшие волоски или насекомых. Иногда обезьяна съедает то, что ей попадает, в особенности волосяные луковички с кристалликами соли на них. Как полагают, взаимное обыскивание волосяного покрова укрепляет и поддерживает общение и связь между членами сообщества обезьян. – Здесь и далее, если не указано иное, примеч. пер.

мне когда-либо доводилось переживать. Две царственные особы занимались обыскиванием в моем присутствии – значит, они признали меня. Я хорошо знала обоих самцов: один, Дэвид Седобородый, всегда боялся меня меньше других, вторым был Голиаф, который получил это прозвище вовсе не из-за гигантских размеров, а из-за своего великолепного телосложения и главенствующего положения среди других самцов. Черная шерсть обезьян красиво лоснилась при мягком вечернем освещении.

Процедура обыскивания продолжалась немногим более 10 минут, а потом Дэвид встал и пристально посмотрел на меня. Как раз в этот момент солнце начало скрываться за горизонтом и отбросило удлиненную тень от меня прямо на Дэвида. Эта минута надолго врезалась в мою память: радость от первого близкого контакта с дикими шимпанзе и капризный случай, заставивший мою тень упасть на Дэвида именно тогда, когда тот, казалось, пытался проникнуть в мои мысли. Впоследствии этот эпизод приобрел почти символический смысл, ибо из всех живых существ ныне только человек с его высокоразвитым мозгом и интеллектом затмевает и превосходит шимпанзе; только человек, обладающий огнестрельным оружием и осваивающий джунгли, может поставить под сомнение само существование шимпанзе в дикой природе, и, наконец, лишь человек может взять шимпанзе под свою защиту. Однако в тот момент я не думала об этом. Я просто любовалась Дэвидом и Голиафом.

Уныние и отчаяние всех предыдущих месяцев не шли ни в какое сравнение с тем ликованием, которое охватило меня, когда группа наконец двинулась в путь; я стала торопливо спускаться вниз к своему палаточному лагерю на берегу озера Танганьика.

...Все началось три года назад, с того памятного дня, когда я впервые встретила в Найроби с доктором Л. С. Лики, знаменитым антропологом и палеонтологом. А может быть, все началось гораздо раньше, еще в далеком детстве. Когда мне исполнился год, мама подарила мне игрушечного шимпанзе, большую лохматую обезьяну, которая была выпущена в продажу в честь знаменательного события – рождения первого детеныша шимпанзе за всю историю Лондонского зоопарка. Мамины друзья пришли в ужас и наперебой твердили, что от одного вида «этого страшного создания» у ребенка начнутся кошмары. Однако Джубили (так звали моего шимпанзе и его знаменитого собрата) стал моей любимой игрушкой и неразлучным спутником. Я до сих пор храню эту старую облезлую обезьянку.

Животные начали интересоваться мной, едва я научилась ползать. Одно из самых ранних детских воспоминаний связано с тесным душным курятником, куда я забралась, чтобы увидеть, как курица несет яйца. Меня нашли только через пять часов. В доме уже поднялся настоящий переполох, а мама даже заявила в полицию об исчезновении ребенка.

Года через четыре, когда мне исполнилось восемь, я впервые решила, что, как только вырасту, поеду в Африку и буду жить среди диких животных. И хотя, окончив школу в 18, я поступила на курсы секретарей, а потом устроилась на работу, стремление поехать в Африку все еще жило во мне. Вот почему, получив приглашение от школьной подруги погостить на ферме ее родителей в Кении, я в тот же день уволилась со студии документальных фильмов, без сожаления расставшись с завидной должностью, и устроилась на лето официанткой в своем родном городе Борнмуте: мне нужно было скопить денег для этой поездки, а сделать сбережения в Лондоне – задача не из легких.

Через месяц после приезда в Африку кто-то посоветовал мне повидать доктора Лики: «Если вы любите животных, непременно зайдите к нему». В то время я уже присмотрела для себя довольно скучную работу в какой-то конторе, поскольку мне не хотелось злоупотреблять гостеприимством подруги. Я встретила с Луисом Лики в Найроби в Национальном музее естественной истории (так теперь именуется это учреждение), где в то время он занимал должность куратора музея. Лики, должно быть, почувствовал, что мой интерес к животным неслучаен, и сразу же предложил мне место помощника секретаря.

Я многому научилась в музее. Все сотрудники были опытными натуралистами, энтузиастами своего дела. Они с радостью поделились со мной частью своих знаний. Но самая большая удача выпала мне, когда Луис Лики и его жена Мэри взяли меня в очередную палеонтологическую экспедицию в Олдувайское ущелье на равнинах Серенгети. Это было до открытия зинджантропа (щелкунчика) и *Homo habilis*⁸, до того, как Серенгети стал доступен туристам. Местность была совершенно безлюдной – едва ли кто-нибудь мог предположить, что через несколько лет здесь пройдут оживленные магистрали с туристскими автобусами, а в воздухе раздастся гул самолетов. Сами раскопки были необычайно интересными. В течение долгих часов я извлекала из глины и камней Олдувайского ущелья остатки существ, которые жили миллионы лет назад. Я привыкла к этой работе, но иногда меня охватывал благоговейный ужас при виде какой-нибудь кости. Вот эта, эта самая кость, которую я сейчас держу в руке, некогда была частью живого существа, способного двигаться, есть, спать, размножаться. Как оно выглядело? Какого цвета была его шерсть? Какой запах оно издавало?

С особенным удовольствием мне вспоминаются вечера этих экспедиционных месяцев. Работа на раскопках заканчивалась обычно в шесть часов вечера, и я вместе с другой сотрудницей возвращалась в лагерь. Мы шли выше по ущелью, через выжженные солнцем равнины, где еще днем изнывали от жары. Во время сухого сезона Олдувай превращается почти в пустыню, но, проходя через заросли низкого колючего кустарника, мы часто встречали дикдиков, изящных миниатюрных антилоп величиной с зайца. Иногда нам попадались небольшие стада газелей или жирафов, а несколько раз мы видели, как по ущелью уныло брел черный двурогий носорог. Однажды мы лицом к лицу столкнулись с молодым львом; он был всего в каких-нибудь 10 метрах от нас, когда мы услышали глухое рычание, а потом увидели и самого зверя. Мы в это время находились на дне ущелья, где попадаются островки густой растительности, и начали медленно пятиться к одному из них. Лев наблюдал за нашими движениями, судорожно помахивая хвостом. Потом, как я полагаю, из чистого любопытства он пошел следом за нами; так продолжалось до тех пор, пока мы не начали карабкаться в гору, намеренно выбрав для этого открытый безлесный склон. Лев отстал и исчез в кустах, и мы больше никогда его не встречали.

К концу нашего пребывания в Олдувае Луис Лики начал рассказывать мне о шимпанзе, живущих по берегам озера Танганьика. Шимпанзе обитают только в Африке, занимая значительную область экваториального лесного пояса от океанского побережья на западе до озера Танганьика на востоке. Группа, о которой рассказывал Луис, относится, по определению систематиков, к швейнфуртовской разновидности шимпанзе, *Pan troglodytes schweinfurthii*⁹. Шимпанзе живут в гористой местности и полностью отрезаны от цивилизованного мира. Луис гово-

⁸ Речь идет о двух знаменитых находках Луиса Лики в древнейших слоях Олдувайского ущелья. В 1959 году был обнаружен почти полный череп высшего примата; в этом же горизонте были найдены галечные орудия. Древность находки определялась 1,75 млн лет. Ископаемый примат в предварительных сообщениях был назван «щелкунчиком» – из-за чрезмерного развития коренных зубов по сравнению с резцами и клыками, а впоследствии получил наименование зинджантроп (Зиндж – средневековое арабское название Восточной Африки). Первоначально зинджантроп считался древнейшим человеком, однако позднее ученые, в том числе и сам автор находки, единодушно признали в этом существе представителя австралопитековых. В 1960 году в том же месте, но в более древнем слое были найдены обломки нижней челюсти, две теменные кости, кости кисти, стопы и ключицы другого ископаемого существа, вначале условно названного презинджантропом, то есть предшественником зинджантропа. Возраст новой находки составлял 2 млн лет. Позднее костные остатки того же типа вместе с многочисленными искусственно подработанными гальками были обнаружены в большом количестве и в других слоях, в том числе современных зинджантропу. Многими исследователями презинджантроп рассматривается как древнейший человек, творец галечной культуры. Соответственно этому он и получил название *Homo habilis* – человек умелый. Целый ряд ученых относил *H. habilis* к австралопитековым.

⁹ Известны два вида шимпанзе – обыкновенный (*Pan troglodytes*) и карликовый, или бонобо (*P. paniscus*). Обыкновенный шимпанзе подразделяется на три подвида, одним из которых и является распространенный в Центральной и Восточной Африке швейнфуртовский шимпанзе. Представители этого подвида характеризуются светлым лицом, которое с возрастом темнеет, и более длинной шерстью.

рил о недюжинном терпении, выносливости и самоотверженности, которыми должен обладать человек, решивший посвятить себя исследованию этой группы животных.

Лишь один ученый, продолжал Луис, сделал серьезную попытку проследить за поведением шимпанзе на воле. Это был профессор Генри Ниссен, который смог провести в джунглях Гвинеи два с половиной месяца. Этот срок был слишком мал, чтобы выполнить по-настоящему серьезное исследование, на которое едва ли хватит и двух лет. Луис еще многое рассказал мне во время этой первой беседы. Он объяснил, почему его особенно интересует поведение группы шимпанзе, живущей по берегам озера: костные остатки доисторического человека чаще всего находят именно на берегах озер, и Луис предполагал, что изучение поведения обезьян поможет понять особенности поведения наших далеких предков.

Я решила, что он шутит, когда после небольшой паузы он предложил мне взяться за эту работу. И хотя это было именно то дело, о котором я мечтала, у меня не было специальной подготовки, чтобы вести научное исследование поведения животных, о чем я и сказала Лики. Однако Луис, по-видимому, хорошо представлял, что делает. Он убедил меня, что университетское образование совсем не обязательно, оно может оказаться и в некотором роде неблагоприятным фактором. Он хотел выбрать человека с непредвзятым мнением, не связанного с той или иной теорией, человека, который предпринял бы подобное исследование исключительно ради любви к истине и который к тому же сочувственно относился бы к животным.

Поэтому я с большим восторгом и очень искренне приняла его предложение. Но где достать необходимые средства? Это была нелегкая задача. Луису пришлось доказать необходимость не только самого исследования, но и убедить всех, что он не ошибся в своем выборе, доверяя молодой и неопытной девушке столь сложную и ответственную задачу. Наконец нужная сумма была найдена: фонд Уилки в Иллинойсе выделил средства, достаточные для приобретения небольшой лодки, палатки, авиабилетов и организации полугодовых полевых исследований. Я всегда буду благодарна Лейтону Уилки, который поверил в меня лишь по заочной рекомендации Луиса.

Тем временем я уже вернулась в Англию и, узнав об этой новости, начала вновь готовиться к поездке в Африку. Местные власти той территории, на которой мне предстояло работать, разрешили приступить к исследованию, но с одним условием: они и слышать не хотели, что английская девушка будет в полном одиночестве жить в джунглях, и требовали, чтобы меня сопровождал кто-нибудь из европейцев. И тогда моя мать, Ван Гудолл, которая уже бывала в Африке, вызвалась стать моим спутником в этом рискованном предприятии.

В 1960 году мы приехали в Найроби. Вначале все складывалось как нельзя лучше. Заповедник Гомбе-Стрим (ныне Национальный парк Гомбе)¹⁰, где жили мои шимпанзе, подчинялся Департаменту дичи Танганьики, и глава департамента Уорден без проволочек выдал необходимое разрешение для проведения исследований. Он был весьма любезен и сообщил нам много ценных сведений о климате и географических условиях заповедника: назвал высоту местности над уровнем моря, суточные и сезонные колебания температур, обрисовал характер почвы и ее растительного покрова, а также перечислил основные виды животных, с которыми мы могли встретиться. Наконец пришло известие, что небольшая алюминиевая лодка, которую купил для нас Луис, благополучно прибыла в Кигому. И доктор Бернар Веркур, директор Гербария Восточной Африки, вызвался отвезти меня и маму в Кигому; попутно он хотел собрать образцы местной флоры, так как растительный мир этого района был мало изучен.

---

¹⁰ Впоследствии изменился не только статус заповедника, но и статус государства, в ведении которого он находился, – в 1964 году две африканские республики (Танганьика и Занзибар) объединились и образовали новое независимое государство Танзания со столицей Дар-эс-Салам.

Мы уже были готовы к отъезду, и вот тут-то и начались неприятности. Из Кигомы пришло известие о беспорядках среди африканских рыбаков в районе заповедника, наш выезд задерживался на неопределенное время.

К счастью, Луис тут же предложил мне заняться изучением поведения верветок¹¹ на одном из островов озера Виктория. Целую неделю мы пробирались на моторном катере к необитаемому острову Лолви. Нос лодки лениво разрезал грязную воду. С нами был Хассан, капитан маленького судна, и его помощник – африканцы из племени какамега. Хассан, проработавший с Луисом около 30 лет, был удивительным человеком. Всегда спокойный и выдержанный, он никогда не терял присутствия духа в критических ситуациях, к тому же обладал острым умом и чувством юмора. Все это делало его незаменимым товарищем, и я была счастлива, когда он впоследствии согласился поехать со мной в заповедник шимпанзе.

Мы провели на острове три недели. Жили прямо на катере, стоявшем на якоре в небольшой бухточке. Ночью нас убаюкивал мягкий шорох волн. По утрам еще до восхода солнца Хассан отвозил меня в лодке на берег, и я проводила там целый день, наблюдая за мартышками до наступления темноты. Если светила луна, я задерживалась и дольше, а потом возвращалась к лодке, и Хассан перевозил меня обратно. Наш скудный ужин обычно состоял из тушеных бобов, яиц или консервированных сосисок, но мы с Ван вовсе не замечали этого и, быстро съедая, обменивались новостями.

Пребывание на острове многому научило меня. Я узнала, как нужно вести дневник, какая одежда наиболее пригодна для работы в поле, какие жесты и движения человека пугают обезьян, а какие – нет. И хотя поведение шимпанзе во многом отличалось от поведения мартышек, знания, которые я приобрела на острове Лолви, помогли мне начать работу в Гомбе-Стрим.

Меня даже слегка огорчило долгожданное известие из Найроби, ведь я должна была расстаться с мартышками как раз тогда, когда стала различать отдельных членов стада и постигать их поведение. Всегда трудно бросить начатую работу. Но стоило нам приехать в Найроби, и я уже думала только о путешествии в Кигому и предстоящей встрече с шимпанзе. Поскольку почти все было готово еще до нашего отъезда на Лолви, мы с Бернаром Веркуром уже через несколько дней отправились в путь. Нам предстояло проехать более тысячи километров.

Само путешествие было небогато событиями – правда, наш «лендровер» трижды ломался и был так перегружен, что начинал угрожающе дрожать, едва мы прибавляли скорость. И вот после трехдневной дорожной пыли мы наконец очутились в Кигоме. Но тут мы столкнулись с непредвиденными обстоятельствами. Со времени нашего отъезда из Найроби изменилась политическая ситуация в Конго¹², расположенном в 40 километрах западнее Кигомы, на другом берегу озера Танганьика. Мы прибыли в воскресенье и, проехав по главной улице города, затененной манговыми деревьями, убедились, что все официальные учреждения закрыты.

Наконец мы разыскали представителя местной власти, и он, извиняясь, но вполне определенно объяснил, что в настоящее время я не смогу приступить к работе в заповеднике.

Все мы ходили в несколько подавленном настроении. Строго ограниченные средства не позволяли мне и Ван останавливаться в отеле, поэтому было решено разбить где-нибудь временный лагерь. Нам посоветовали расположиться на территории сада кигомской тюрьмы, и это оказалось совсем не так уж плохо, как может показаться на первый взгляд. Сад содержался в прекрасном состоянии, и ветви цитрусовых деревьев сгибались под тяжестью ароматных апельсинов и мандаринов. С места нашей стоянки открывался великолепный вид на озеро. Единственное, что омрачало наше существование, – это нашествие moskitov по вечерам.

¹¹ Верветки (*Cercopithecus pygerythrus*) – один из видов мартышек, распространенный в южной и восточной части Африканского материка. Вместе с близкородственными зелеными мартышками (*C. sabaeus*) и гриветками (*C. aethiops*) относятся к эфиопской группе. Характеризуются темными кистями и стопами и красноватой шерстью у хвоста.

¹² В 1960 году состоялось освобождение страны от бельгийских колонизаторов и была провозглашена (30 июня) Демократическая Республика Конго.

За время вынужденного безделья мы как следует изучили Кигому – маленький африканский городок, по европейским или американским меркам, пожалуй, даже деревеньку.

Центр активной жизни города сосредоточен на берегу озера возле естественной гавани, где причаливают лодки, курсирующие вдоль озера в Бурунди, Замбию и Малави, а также на противоположный берег – в Конго. Рядом с гаванью расположены административные учреждения, полицейский участок, железнодорожная станция и почтовое отделение.

Одна из основных достопримечательностей любого африканского городка – это ярко расцвеченный всеми красками рынок, где тщательно подобранные фрукты и овощи разложены для продажи небольшими кучками. Преуспевающие торговцы важно восседали под каменными навесами, а остальные сидели прямо на базарной площади, аккуратно разложив свои товары на мешковине или здесь же на красной пыли. Изобилие бананов, зеленых и оранжевых апельсинов, темно-пурпурных морщинистых плодов страстоцвета создавало неповторимую цветовую гамму, которую оттеняли стоявшие рядом бутылки и кувшины ярко-красного растительного масла, приготовленного из плодов масличной пальмы.

Кигома гордится своей главной улицей, которая начинается от административного центра и поднимается вверх, проходя по основной части города. С обеих ее сторон посажены высокие тенистые манговые деревья, за которыми тянутся ряды бесчисленных мелких лавчонок, или дукасов, как их называют в Восточной Африке.

Ассортимент товаров повсюду был одним и тем же: груды чайников и посуды, тапочек и рубашек, карманных фонарей и будильников. Во многих магазинчиках продавались большие разноцветные квадратные куски ярко окрашенной материи, известные в Африке под названием кангасы. Африканские женщины покупают непременно пару кангасов: один оборачивают вокруг тела на уровне подмышек и он свисает до колен, из другого сооружается головной убор. Прямо на улице можно встретить расположившегося со своей швейной машиной портного, а рядом с крошечной обувной лавчонкой в пыли – какого-нибудь старого индийца, который так ловко орудует руками и ступнями, поддерживая ими кусок кожи, когда зашивает, приколачивает и склеивает туфли, что невольно залюбуешься этой картиной.

Удалось нам познакомиться и с некоторыми жителями Кигомы – в основном государственными служащими и их женами. Все они относились к нам очень дружелюбно и проявляли необычайное гостеприимство. Как-то вечером Ван, боясь обидеть отказом кого-нибудь из вновь обретенных друзей, вынуждена была принять сразу две горячие ванны – сначала в одном доме, а потом в другом. Бернар, который был уверен, что мы обе слегка чокнутые, стоически возил ее по городу в своем «лендровере».

Прошла неделя... Я уже почти отказалась от мысли когда-нибудь увидеть шимпанзе и была готова к тому, что нас в любую минуту могут отправить обратно в Найроби. Но в это время в Кигому вернулся Дэвид Энсти, чиновник, ездивший в Гомбе-Стрим, и после длительного совещания мне было разрешено приступить к работе в заповеднике. Путешествие по озеру на катере, который предоставили нам власти для перевозки оборудования, показалось мне дивным сном. Трудно было поверить в реальность происходящего. Но вот гавань Кигомы осталась позади, и катер взял курс на север вдоль восточного побережья озера.

2

Первые шаги

Сухой сезон был в разгаре, и над озером висела легкая голубоватая дымка, которая полностью скрывала из виду противоположный берег, лежащий всего в каких-нибудь 40 километрах. Казалось, мы плывем не по узкому озеру, а по огромному безбрежному морю. Свежий бриз, густая синева воды и легкая зыбь со вспененными белыми гребешками усиливали иллюзию морского путешествия.

Я всматривалась в гористый восточный берег, мимо которого мы проплывали. На всем протяжении от Кигомы до заповедника возвышались крутые скалы, достигавшие высоты 750 метров. Их пустынные и выветренные склоны лишь изредка оживлялись островками леса, растущего, как правило, по ущельям, вдоль сбегаящих к озеру быстрых горных речушек. Береговую линию перерезали скалистые мысы со скрывавшимися между ними удлиненными бухточками. Мы шли прямым курсом от мыса к мысу, а справа оставались лодки рыбаков, которые старались держаться ближе к берегу и не выходить за пределы бухточек. Дэвид Энсти, который сопровождал нас, чтобы познакомить с местными жителями, объяснил, что здесь нередко возникают неожиданные шквалы, вызывающие сильное волнение на озере.

Деревушки рыбаков гнездились по склонам гор или у самого устья рек. Жилища в основном были простыми – хижины, сделанные из глины и травы, хотя иногда попадались и более крупные постройки, крытые блестящим рифленым железом.

Когда позади осталось немногим более 10 километров, Дэвид указал на большую скалу – она отмечала южную границу заповедника шимпанзе. И почти сразу же ландшафт резко изменился: густо поросшие лесом горы перемежались долинами с буйной тропической растительностью. Хижины рыбаков были разбросаны вдоль песчаных береговых отмелей. Дэвид объяснил нам, что это временные жилища – в период сухого сезона африканцам разрешают ловить рыбу на территории заповедника, и они здесь же на берегу сушат свой улов. Недавно разгорелась ссора как раз из-за такого кусочка пляжа, который никак не могли поделить между собой рыбаки двух деревень. С началом дождей рыбаки возвращаются в свои родные места, находящиеся за пределами заповедника.

Я часто стараюсь припомнить, о чем я думала, впервые разглядывая дикую местность, где мне предстояло поселиться. Ван позже рассказала мне, что крутизна склонов и непроходимые на вид леса привели ее в ужас. А Дэвид Энсти спустя несколько месяцев признался, что был твердо уверен в провале моей затеи и собирался неделю через шесть встречать меня в Кигоме вместе со всем моим скарбом. Я же не испытывала ни волнения, ни страха, а лишь странное чувство отрешенности. Что может быть общего между мной, обыкновенной девушкой в джинсах, стоящей на борту катера, и той еще незнакомой мне исследовательницей, которая должна посвятить себя изучению диких шимпанзе? И все же перемена во мне произошла быстрее, чем можно было предположить: проснувшись впервые в лагере, я поняла, что прежняя Джейн осталась за пределами заповедника.

После двухчасового плавания наш катер бросил якорь в бухточке деревни Касекела, где жили два егеря, осуществлявшие надзор за всей территорией заповедника. Дэвид Энсти настоял, чтобы по крайней мере на первых порах мы разбили свой лагерь где-нибудь неподалеку от них.

Мы спускаем на воду лодку, и вот уже ее нос врезается в белый песок отмели. Встречать нас собралась целая толпа: оба егеря, несколько африканцев, которым разрешено жить в заповеднике, чтобы егеря не чувствовали себя одинокими, и рыбаки из ближайших хижин. Мы ступаем из лодки прямо в воду, в ласковые, тихо шуршащие волны, и уже потом на берег. Нас приветствует один из егерей и вслед за ним почетный старейшина деревни Касекела – Идди

Матата. Этот высокий белобородый старик выглядит очень колоритно: в красном тюрбане и красном пиджаке европейского покроя, надетом прямо поверх развевающихся белых одежд, на ногах деревянные башмаки. Идди Матата держится очень торжественно, подчеркивая значительность события, и произносит длинную речь на суахили. В ответ мы дарим ему небольшой подарок, который, по совету Дэвида, захватили из Кигомы специально для него.

Когда с церемониями было покончено, мы с Ван вслед за Дэвидом вошли в густые заросли. Узенькая тропка метров через 30 вывела нас на небольшую лужайку. Здесь мы решили разбить лагерь и с помощью Дэвида и егерей поставили большую палатку. Место для стоянки выбрано превосходное. Масличные пальмы отбрасывают на лужайку густую тень, а за палаткой бежит маленький журчащий ручей. В 50 метрах отсюда, прямо на берегу озера, мы поставили палатки для повара Доминика, которого наняли еще в Кигоме.

Теперь можно и немного осмотреться. Высокая трава на горных склонах выгорела во время недавнего лесного пожара, и обуглившаяся земля была очень скользкой. Время приближалось к четырем часам, но солнце все еще жгло немилосердно, я взобралась на гору, едва переводя дух и обливаясь потом. Внизу расстилалась величавая гладь озера и просторная долина с пышной растительностью, яркую зелень которой оттеняли почерневшие горные склоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.